

Байка четвертая. «Щас... выломают!»

«Помню, когда выбрали натуру по «Обломову», мы искали в Петербурге квартиру, — с тем чтобы ее можно было перестроить. Ну, естественно, в домах на капремонте. И нашли. На канале Грибоедова. Дом был уже выселен. Но еще ломать не начали. На верхнем этаже квартира такая, как нам надо. Однако войти нельзя, дверь заперта. А с нами ходила интеллигентнейшая петербургская дама. Которая говорила с придаточными предложениями, знала историю этих домов, кто что построил, кто предположительно мог здесь жить, в какие по каким годы. Дама говорит: «Ну, вы знаете, может, там еще люди живут...» Мы говорим: «Кто там может жить? Ясно, что никто, отопление отключено, зима». Она: «А вдруг там какие-то вещи остались...» Паша больше всех активничал и подзуживал: да чё там... надо того... быстро дверь вскрывать и начинать снимать... А в результате дверь стали ломать мы с Никитой. Паша же с дамой и директором стояли на лестничной площадке этажом ниже, и она с изумлением смотрела на нас. Час назад мы беседовали с ней о Гончарове, а тут с уханьем каким-то дрючком — раз! два! — и курочим дверь, покрикивая в щель на всякий случай, если там бабушка осталась: «Бабушка! Не беспокойтесь! Мы из кино, Гончарова снимаем!» Потом нам директор рассказывал, что в какой-то момент Паша нашу потрясенную даму толкает в бок локтем и говорит радостно, показывая на нас: «Щас, бля, выломают!»

Всё каждый раз новое и разное, непохожее

«На «Обломове» в Питере было пасмурно. А Паша замечательно придумал, как освещать квартиру. Это третий этаж, приборы за окном не поставишь, что, там леса строить? Паша повесил над окнами козырьки из зеркальной пленки, а снизу светил. Свет отражался и падал, как полагается, сверху вниз, и было ощущение дневного света. Специальных технических приемов, которые бы Паша применял постоянно, нет. Он сочиняет все по ходу дела. Например, как сделать отсвет от свечки? Обычно зажигают свечку, за ней ставят прибор. Чтобы он вроде бы светил на артиста. Но все равно видна от свечки тень. На «Обломове» Паша вешал прибор прямо над столом, прямо над свечкой, так что и тень на столе была идеальной, как будто от этой свечки, и свет шел абсолютно свечной».

«Паша не фотографирует нечто, срежиссированное кем-то другим, а сам в картине участвует — абсолютно во всем, и в драматургии, в частности. Финал «Свой среди чужих...», например, Паша придумал. В финале они — четыре друга, которые, помните, так случилось, все друг друга подозревали и только потом выяснили, что эти подозрения были ложными, — так вот, в финале все они должны встретиться... Мы понимали: эта встреча должна быть эмоциональной. Но как это сделать? Ну встретились, обнялись, начали по траве кататься — всё банально, всё было... И уже мы снимать начали, а финала нет. И это Пашина была идея: «А что если они бегут сегодня, а встречу их смонтировать с прошлым, встречаются они там, в прошлом?»

Задолом до съемок «Механического пианино», в подготовительный период, Адабашьян и Лебешев попросили художницу по костюмам принести из пошивоного цеха все лоскуточки, которые она там может собрать. Художница принесла целый ворох. И Александр Артемьевич с Павлом Тимофеевичем сели с ней и стали выбирать, какие цвета могут быть в картине. Из этого вороха получились кучка уже поменьше. Потом начали отбирать лоскутки для отдельных эпизодов и персонажей. И в итоге получилось: вот цвета этого персонажа, вот — того.

И так, подбирая гамму каждого персонажа, строились ударные эпизоды. Вдруг генеральша появилась в лиловом платье. Что совершенно разрушало гамму... Это был настоящий эмоциональный удар. Или на улице все были одеты в коричнево-оливковые тона. По тому же принципу и декорации строились. Стены были все тряпками обтянуты, для того чтобы они свет не отражали, а вбирали, глушили.

О черном бархате и профсоюзной норме

«Была у нас с Пашей и такая легендарная история. Только мы начали писать режиссерский сценарий «Своего среди чужих...», как забирают Никиту на год служить в Красную Армию. Мы были твердо уверены, что, когда Никита вернется, картину снимать будем, потому ни в какую большую работу влезать не хотелось, за год тогда не обернуться было. Ну а как-то жить надо, я только что окончил институт, Паша тоже миллионными не ворочал. И мы с ним подрались снимать немилую халтуру — кино про промкооперацию. Съемочная группа состояла из трех человек — я, Паша и режиссер, он же продюсер и грузин. Паша был ему представлен как оператор, снявший «Белорусский вокзал», что соответствовало действительности. А меня

Паша за глаза рекомендовал как дипломированного ассистента оператора. Хотя я понятия не имел, как это делается, работал всего на одной картине и то декоратором, в камеру же уметь только заглядывать. Но под Пашкиным руководством я насобачился и кассеты заряжать, и камеру целиком обслуживать, и фокус переводить. А попутно Паша — как бы сейчас сказали — делился секретами мастерства. Происходило это в основном в коридорах поездов и в не очень трезвом состоянии, но тем не менее эти уроки, я думаю, послужили мне куда больше, нежели если бы я сидел, блаженный, в костюме, и записывал бы что-нибудь во ВГИКе. Так вот, в том эпизодном фильме про промкооперацию наш режиссер придумал сюжет о женщине с хлебозавода, у которой день рождения, но она идет на работу, про это забыв, входит в цех, а навстречу ей выбегает стайка девушек и дарит торт. Короче, едем мы в какой-то город, помню только, что поезд пришел туда в четыре утра. Поймав «леву» машину, доезжаем до хле-

я излагаю очень литературно, на самом деле Паша говорил доходчивей и проще... Я не знаю дальнейшую судьбу этой картины, кто числился автором, вышла ли она, для какого потребления была. Но я вспомнил эту историю к разговору об иконописности образа. Да, есть люди, которые относятся к Паше, как к Богу, и боятся приблизиться. Другие говорят с придыханием: «Я видел Лебешева!» Иван Иванович тоже его видел. Наверное, до сих пор в себя прийти не может... Во всяком случае, если он, Иван Иванович, прочитает в вашей газете рассказ о вдумчивом Лебешеве, который рассуждает об операторском мастерстве, о пластике изображения, о связи ее с драматургией... Я не знаю, как Иван Иванович отнесется к этому. Но и то, и другое — правда. И когда мы рассуждали о Гончарове: как это снимать, и какова должна быть пластика изображения, и каково движение камеры в квартире Обломова, и как оно меняется с появлением Штольца, когда должна быть ручная камера, а когда — на штативе... Да, это тот же са-

ног. Не знаю, общепитовское вещество в нем какое-то есть, что ли. И они нухом это понимают. Это как собаки, как дети, друг на друга реагируют. Я могу быть замечательно одет, интеллигентно выглядеть, культурно говорить, но это не действует... Появляется небритый Паша, в джинсах, в рваном свитере, и через секунду все бегает на цырлах, достают что-то из-под прилавка, Паша это им швыряет в морду, говорит: я это готовить не буду, это несвежее, а это с этим не делается, — ему несут что-то другое...»

Байка пятая. Про дельфинов

«На кинокартине «Молчание доктора Иванса» в городе Судак Паша был оператором подводных съемок. А надо знать, что у Паши — водобоязнь. Он купается в море так: заходит по пояс в воду, садится и сидит. А тут он подражался оператором подводных съемок... Вся студия с ума сходила от восторга. А я был ассистентом оператора подводных съемок... В одной из важных сцен мы должны были снимать

Если его не любить — то можно только ненавидеть

«Если брать его качества все по отдельности и так их старательно выписывать, то может выйти монстр. А в соединении получается Паша Лебешев, которого все любят. Это такая парадоксальная вещь. Ну, наверное, в химии так. Если нюхать хлор и кушать натрий, можно, наверное, загнуться. А натрий-хлор — это поваренная соль, без которой ничего съест нельзя. Это предел моих химических знаний, наверняка существуют более сложные химические формулы, где все по отдельности сплошь состоит из ядов и отравляющих веществ, а в соединении может получиться что-то съедобное или замечательно пахнущее. И вот Паша... И склочный, и интриган, и эгоист; обжора, пьяница, человек необязательный — и если брать все по отдельности и строго спрашивать: присущ ли ему это отрицательное качество? Да! Присуще ему такое положительное качество? Нет! Как в школьном сочинении, да? Баба Яга: положительные качества — близость к природе, народный язык, наблюдательность; отрицательные качества — злобность, интриганка, костяная нога... У Павла Тимофеевича среди положительных качеств нет никакой близости к природе, и кажется, сплошной набор отрицательных качеств. Но это по отдельности. А именно из-за набора качеств получается совершенно удивительный, уникальный человек — и все нейтрализуется, и одно отрицательное качество в соединении с еще более отрицательным дает что-то иное, новое и, на мой взгляд, сугубо положительное. Если Пашу не любить, то его можно только ненавидеть! А так вот, с температурой 36,6°, к нему относиться совершенно невозможно».

Отношение к людям

«В Пашином отношении к людям полутонно мало. Или «да» — или «нет». Если он в кого-то влюбляется — я не имею в виду в романтическом плане, а в личность, — то все в розовом свете, никаких отрицательных качеств! Актер если — снимать только его. Во всех ролях. Все может сделать. Потом если к тому же человеку остывает, то все: даже на эпизод его брать нельзя! И думать нечего! И с такой же легкостью остывает».

Чего Лебешев никогда не делает

«Я убежден, что Паша не в состоянии, например, написать донос. Или вообще сделать какую-то вещественную пакость. Он что-то может совершить на темпераменте: сказать, вынуть... Но с расчетом, с умным холодным: затаяться и терпеливо ждать часа, когда наконец можно кого-то лягнуть и укусить, сзади зайти — и тут его... На это Паша совершенно неспособен. В отличие от очень и очень многих. Это качество людей слабых. Какие бы они высокие посты ни занимали. А Паша — человек сильный».

Что может ничего не значить

«Так как все Пашины недостатки — продолжение его достоинства, а достоинства — продолжение недостатков, я имею в виду, например, такие качества, как искренность и спонтанность, то, если он в Доме кино орет про кого-то что-то как бы нелепое, это не декларация намерений, это секундное состояние души и пищеварительного тракта. В контексте того, что секретарь Союза кинематографистов Павел Тимофеевич Лебешев чего-то там про кого-то сказал, это нельзя воспринимать... Через три дня он так совсем не будет думать... Баранья нога прекрасно зажирилась, выпили, и выяснилось, что это просто прекрасный парень. И со мной такие вещи были. Передают мне, что Паша что-то там в мой адрес... Но я хорошо знаю высказанную цену. Что это значит? Это значит, что свинина в тот момент была несвежая. Ничего более».

Из Италии — с восторгом

«Приезжал недавно мой итальянский режиссер. Молодой парень, с которым мы уже вторую картину пишем. Другое поколение, другая страна. Где-то мы с ним вместе были, и был там Паша. Общались недолго. Паша был слегка выпивший. Но самое сильное впечатление у этого итальянца осталось именно от Паши. А вот — почему? Как это происходит? Непонятно... Я только что вернулся из Италии, месяц там работал, и очень много этот итальянский режиссер о Паше спрашивал: а как он? а чего он? Причем это совершенно безотносительно к профессии, это не то, что, ага, это тот самый оператор, который снял то-то и то-то... И опять же непонятно, в чем заключалось потрясение. Паша не гнул подковы, не завязывал узлом кочерги... не плясал вприсядку... не пробивал лбом стену... (что он делал однажды в Одессе, да, потом эту стену зашвырял плакатом, потому что это было в гостинице). Но почему-то этот итальянец, ни слова не знающий по-русски и совершенно не понимающий, о чем там орал Паша и от чего размахивал руками, итальянец, которого я здесь, в Москве, с кучей замечательных людей познакомил, никого так не запомнил, как Пашу».

Зоя ЕРОШОК

(Продолжение следует)

Жизнь Замечательного Лебешева

Истории, рассказанные Александром Адабашьяном

«Свой среди чужих...» Слева направо: Павел Лебешев, Александр Адабашьян, Никита Михалков

бозавода, выгружаемся, режиссер нам говорит: «Ждите здесь». А сам едет, как обычно, за начальником местной промкооперации, чтобы тут же начать парить ему мозги: группа из Москвы... оператор, снимавший «Белорусский вокзал»... брошены лучшие силы... задание ЦК... Ну а мы, выгрузившись, накрыли свои коробки черным бархатом, который возили с собой якобы для съемок, на самом деле и украсили им, и скатертью он был... Ну накрыли этим бархатом коробки, легли сверху — и заснули. Как потом выяснилось, заснули мы аккуратно перед проходной хлебозавода, и граждане, идущие на работу, вынужденные были переступить через нас, шагая по бархату. И вот наш режиссер, он же продюсер, он же кормилец, найдя начальника местной промкооперации, как сейчас помню Ивана Ивановича, который от ужаса наряженный в костюм, мчит к нам на черной «Волге» с очень высокими колесами, впаривая по ходу дела Ивану Ивановичу: оператор, снявший «Белорусский вокзал», и так далее, а у Ивана Ивановича, наверное, перед глазами образ: сейчас он увидит человека в кожаной куртке, листающего книгу... в одной руке у него визир... в другой — штатив... «юпитеры» светят... А когда они примчались к вышеозначенному месту, то увидели: на затоптанном черном бархате лежат два небритых пьяных оборванных человека — и спят.

Я проснулся раньше, когда машина только подъехала, и от ужаса закрыл глаза. Говорю Паше, что едут... А Паша мне на ненормативной лексике отвечает, что, мол, не так уж это и важно, не такое уж это и большое событие. Когда они подъехали, я встал, начал что-то объяснять, на меня — никакого внимания, продюсер подошел к Паше... А Паша, нисколько не смущаясь, продолжает лежать на этом бархате, только чуть-чуть приподнялся на локте, как Даная, — обложка перегадет висит в воздухе — и начинает выговаривать нашему продюсеру, что, между прочим, по поводу законодательства полагается двенадцать часов разрыва между концом предыдущей смены и началом следующей (все это опять же перемешалось ненормативной лексикой) и что, если он не ошибается, с прошлой смены прошло часов восемь, так что на четыре часа отдыха мы еще имеем право, а где мы проводим свой досуг и в какой позе и позиции, — это наше личное дело. Все это

мой Паша Лебешев, который, лежа пьяный на черном бархате, объяснял нашему режиссеру-продюсеру-кормильцу профсоюзную норму. Это все один человек. В том-то и дело».

«Взаимоотношения с едой — очень чувственные»

«Пашины взаимоотношения с едой, со свиной особенностью — очень чувственные».

«Мы работали в Колумбии. Паша и там в гостиничном номере устроил кухню. Так вот, обычно к вечеру, часам к шести, Паша становился на съемках все более и более задумчивым: периодически подзвывая к себе ассистента Андриюшу и говорил, что пора ему отправиться в гостиницу, потому что до конца съемок остается минут сорок, и если сейчас баранину засунуть в духовку, в принципе она, баранина, нашингована, готова, — и если ее именно сейчас в духовку, то это будет то, что надо... Тут репетиция, Лёня Филатов страдает, а у Паши все мысли уже у плиты, и он прикидывает: так, баранья нога готова, картошка подойдет, они подоспеют вовремя, надо будет еще лук настрогать... И одним взглядом в камеру: да, да, я все вижу, мне все нравится...»

«Паша говорит: «Кино я снимаю, когда отрываюсь от стола». И это правда. Причем сказать, что иногда он мог бы пожертвовать столом ради кино, — не з-н-а-ю... Но кино пожертвовать ради стола он может совершенно спокойно...»

«Магическое действие Паша производит на работников общепита. Как-то по дороге заехали мы в одну «Чайную». На самом деле это была занюханная столовая. Никого уже нет, кухня закрыта. Паша вошел в машину, я прихожу: поесть можно? Нет, нет, нельзя, все закрыто, идите отсюда... Приходит Паша. Сразу идет на кухню, и через 10 минут оттуда вылетает пробкой какая-то дама в белом халате, накрывает стол. И Паша не то что им лстит, он на них орет: ну ты, куда это кладешь? Сам уже в переднике. И все бегает вокруг, суетятся, покорные такие... Паша кричит: это что — кастрилья? Разве это кастрилья? Начинает популярно объяснять, что можно этой кастрильей делать... Я сучусь на подхвате... И так — всегда и везде. Причем он никогда не говорит: мы — съемочная группа «Мосфильма»... Просто открывает дверь, появляется на пороге... И все столовские работники — у его

дельфинов. Но в дельфинарии дельфинов не было, и Паша был командирован съемочной группой на научно-исследовательском судне отлавливать где-то в море дельфинов. На этом корабле им как-то удивительно повезло. Командировали их на месяц, но, едва они вышли в море, буквально сразу нарвались на косяк дельфинов и наловили восемь или десять дельфинов, и уже на этом корабле, где-то в резервуаре, дельфины резвятся, и судно берет обратный курс, капитан посылает радиogramму, что задание выполнено досрочно, капитану тут же сообщают, что он будет награжден... И по этому поводу с участием Паши была устроена на корабле колоссальная пьянка. В связи с грядущими капитанскими наградами... Тут надо сказать, что, готовясь к съемкам, мы с Пашей прочитали какую-то брошюру про дельфинов. И вот Паша, выпивая с капитаном, излагает ему содержание этой брошюры. Капитан так расстрогался, что вышел ночью на палубу к резервуару, долго смотрел на дельфинов, потом сказал: «Они ж как дети...» — и велел их всех выпустить в море, на волю. А когда Паша и капитан просохли, судно уже приблизилось к берегу. Все кончилось, конечно, диким скандалом. Дельфинов мы так и не сняли...»

Я спросила Адабашьяна: «Лебешев специально рассказывал капитану про дельфинов — хотел, чтобы их отпустили?» «Нет, нет, — серьезно ответил Адабашьян, — тут у него никакой корысти не было. Я думаю, что если б они там каких-то осетров наловили, то он бы фиг их выпустил. А в связи с несвежестью дельфинов — у Паши никакой личной корысти не было».

Однажды на набережной

«Когда мы в том же городе Судак снимали «Молчание доктора Иванса», помню, нам денег не платили. Совсем. Даже суточных — 3 р. 80 коп. — мы долгое время в глаза не видели. И вот однажды Паша шел по набережной в старых джинсах, к нему подошел какой-то парень и спросил: не может ли тот продать ему джинсы? За сорок рублей. Паша, не веря своим ушам, переспросил. Тот сказал, что да, готов купить. Паша, боясь, что парень может передумать, прямо там, на набережной, снял штаны и появился перед нами в гостинице, с двумя банками портвейна, в гражданских трусах, очень счастливый и радостный...»

(Продолжение. Начало см. № 11 и 13)